

моих мыслей, чтобы предоставить ему подходящее место. По-моему, это словам надлежит подчиняться и идти следом за мыслями, а не наоборот, и там, где бессилён французский, пусть его заменит гасконский. Я хочу, чтобы вещи преобладали, чтобы они заполняли собой воображение слушателя, не оставляя в нём никакого воспоминания о словах. Речь, которую я люблю, это бесхитростная, простая речь, такая же на бумаге, как на устах; речь сочная и острая краткая и сжатая, не столько тонкая и приглаженная, сколько мощная и суровая:

*Naec demum sapiet dictio, quae feriet;*⁸⁰

скорее трудная, чем скучная; свободная от всякой напыщенности, непринужденная, нескладная, смелая; каждый кусок её должен выполнять свое дело; она не должна быть ни речью педанта, ни речью монаха, ни речью сутяги, но, скорее, солдатскою речью, как называет Светоний речь Цезаря, хотя, говоря по правде, мне не совсем понятно, почему он её так называет.

Я охотно подражал в свое время той небрежности, с какой, как мы видим, наша молодежь носит одежду: плащ, свисающий на завязках, капюшон на плече, кое-как натянутые чулки – все это призвано выразить гордое презрение к этим иноземным нарядам, а также пренебрежение ко всякому лоску. Но я нахожу, что еще более уместным было бы то же самое в отношении нашей речи. Всякое жеманство, особенно при нашей французской живости и непринужденности, совсем не к лицу придворному, а в монархии любой дворянин должен вести себя как придворный. Поэтому мы поступаем, по-моему, правильно, слегка выпячивая в себе простодушие и небрежность.

Я ненавижу ткань, испещренную узелками и швами, подобно тому, как и красивое тело не должно быть таким, чтобы можно было пересчитать все заключенные в нем кости и вены. *Quae veritati operam dat oratio, incomposita sit et simplex.*⁸¹

*Quis accurate loquitur, nisi qui vult putide loqui?*⁸²

Красноречие, отвлекая наше внимание на себя, наносит ущерб самой сути вещей.

Желание отличиться от всех остальных неприятным и необыкновенным покроем одежды говорит о мелочности души; то же и в языке: напряженные поиски новых выражений и малоизвестных слов происходят от ребяческого тщеславия педантов. Почему я не могу пользоваться той же речью, какою пользуются на парижском рынке? Аристофан Грамматик, ничего в этом не смысля, порицал в Эпикуре простоту его речи и цель, которую он ставил перед собой как оратор и которая состояла исключительно в ясности языка. Подражание чужой речи в силу своей доступности – вещь, которой постоянно занимается целый народ; но подражать в мышлении и в воображении – это дается не так уж легко. Большинство читателей, находя облачение одинаковым, глубоко заблуждаются, полагая, что под ним скрыты и одинаковые тела.

Силу и сухожилия нельзя позаимствовать; заимствуются только уборы и плащ. Большинство среди тех, кто посещает меня, говорит так же, как написаны эти «Опыты»; но я, право, не знаю, думают ли они также или как-нибудь по-иному.

Афиняне, говорит Платон, заботятся преимущественно о богатстве и изяществе своей речи, лакедемоняне – о ее краткости, а жители Крита проявляют больше заботы об изобилии мыслей, нежели о самом языке: эти последние поступают правильнее всего. Зенон говорил, что у него было два рода учеников: одни, как он именует их??? жадные к познанию самых вещей, и они были его любимцами, другие –??? которые заботились только о языке. Этим нисколько не отрицается, что умение красно говорить – превосходная и весьма полезная вещь; но все же она совсем не так хороша, как принято считать, и во мне вызывает досаду, что вся наша жизнь наполнена стремлением к ней. Что до меня, то я прежде всего хотел бы знать надлежащим образом свой родной язык, а затем язык соседних народов, с которыми я чаще всего общаюсь. Овладение же языками греческим и латинским – дело, несомненно, прекрасное и важное, но оно покупается слишком дорогою ценой. Я расскажу здесь о способе приобрести эти знания много дешевле обычного – способе, который был испытан на мне самом. Его сможет применить всякий, кто пожелает.

Покойный отец мой, наведя тщательнейшим образом справки у людей ученых и сведущих,

⁸⁰ 1 Ведь, в конце концов, нравится только такая речь, которая потрясает (лат.). – Стих из эпитафии на могиле Лукуана.

⁸¹ 2 Речь, пекущаяся об истине, должна быть простой и безыскусственной (лат.). – Сенека.

⁸² 3 Кто же оттачивает свои слова, если не тот, кто ставит своей задачей говорить вычурно? (лат.) – Сенека.